

К ВОПРОСУ ОБ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

С.А. Ковалевский

Статья посвящена истории развития взглядов исследователей на культурную принадлежность памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири. Анализируются мнения специалистов, рассматривавших памятники в рамках отдельных культур, эпох, культурно-хронологических пластов и культурно-исторических общностей; выводы ученых о центре формирования и периферийных вариантах данного культурного образования. В итоге делается заключение о целесообразности в настоящее время рассматривать памятники эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири в рамках ирменской культурно-исторической общности.

Эпоха поздней бронзы, ирменская культурно-историческая общность, ирменская культура, карасукская культура, карасукская эпоха.

Многие отечественные специалисты, выстраивая горизонтальную иерархию выделенных ими группировок археологических памятников, придерживаются трехчленной схемы: локальный вариант — культура — культурная общность [Массон, 1990, с. 21–22]. Общепринято, что ключевым звеном данной схемы является понятие «археологическая культура». Однако выделенные к настоящему времени археологические культуры различны как по территориальному охвату, так и в содержательном плане. Археологические культуры, памятники которых распространены на значительных территориях, как правило, подразделяются исследователями на локальные варианты. Каждый локальный вариант характеризуется набором специфических черт, отличающих его от других вариантов. Зачастую несколько археологических культур, со сходным для них набором черт материальной культуры, технических, технологических идей, планировочных и архитектурных решений и, в меньшей степени, духовного мира, объединяются исследователями в культурные или культурно-исторические общности [Виноградов, 2007, с. 7–8]. Существует понимание культурно-исторической общности и как археологической культуры, распространенной на значительных территориях и подразделяющейся на локальные варианты.

История археологии знает и примеры изменения взглядов исследователей на атрибуцию археологических культур и культурных общностей. Одним из таких примеров является изучение ирменской культуры (в нашем понимании — культурно-исторической общности), существовавшей на огромной территории юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы.

В период с 1920-х по 1950-е гг. памятники эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири рассматривались в рамках карасукской культуры. Такой исследовательский подход был связан со следующими обстоятельствами. Во-первых, памятники эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины в тот период были изучены лучше, чем памятники Западно-сибирской лесостепи. Во-вторых, с территории Хакасско-Минусинской котловины происходило большое количество случайных находок карасукских бронз, преимущественно хранящихся в музеях гг. Красноярск и Минусинск и известных специалистам. В-третьих, изучением западно-сибирских древностей эпохи поздней бронзы занимались исследователи, хорошо знакомые с материалами Хакасско-Минусинской котловины. Эти обстоятельства, а также сравнительно небольшой источниковый фонд памятников эпохи поздней бронзы Южной Сибири предопределили рассмотрение Хакасско-Минусинской котловины в качестве некоего культурного центра Южной Сибири в указанную эпоху. При этом следует отметить, что, хотя и использовалось понятие «карасукская культура» в отношении западно-сибирских древностей, все же справедливо отмечались имеющиеся отличия их от карасукских памятников Хакасско-Минусинской котловины.

Впервые вопрос о карасукской принадлежности памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири поднял С.А. Теплоухов, разработавший в 1920-х гг. периодизацию древностей Минусинского края и выделивший среди прочих карасукскую культуру, относящуюся, по его

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

К вопросу об ирменской культурно-исторической общности

мнению, к среднему этапу минусинской бронзовой эпохи. Исследователь писал о сходстве ее материалов и немногочисленных тогда находок, происходящих с территории нижнего Притомья и Алтайского Приобья. При этом он отмечал более низкий уровень развития культуры эпохи бронзы в Алтайском Приобье, объясняя это отсутствием здесь источников руд и изолированностью ее от влияния южных культурных центров [Теплоухов, 1927, с. 106–107]. Впоследствии в работе, посвященной классификации древних металлических культур Минусинского края, С.А. Теплоухов ограничил на западе ареал карасукской культуры широтой г. Томска [1929, с. 44].

Огромный вклад в изучение памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири внес М.П. Грязнов. Археологические материалы эпохи поздней бронзы послужили основой для создания им концепции культурно-исторического развития Верхней Оби. В работе 1930 г. М.П. Грязнов, опираясь на исследованные материалы и периодизационную схему С.А. Теплоухова, предложил свою схему развития древних культур данного региона с выделением семи хронологических этапов. Памятники эпохи бронзы были разделены на три хронологические группы: раннюю (андроновская культура), среднюю (карасукская культура) и позднюю (большереченская культура) бронзу. В данной работе М.П. Грязнов обратил внимание на имеющиеся различия карасукской посуды Верхней Оби и Хакасско-Минусинской котловины [1930, с. 2–11].

С конца 1940-х — начала 1950-х гг. памятники эпохи поздней бронзы Западно-сибирской лесостепи стали рассматриваться исследователями в рамках карасукской эпохи. Вместе с тем термин «карасукская культура» также продолжал употребляться. В монографии, подводившей итоги изучения археологических памятников различных эпох на Верхней Оби, М.П. Грязнов на основании исследований новых памятников эпохи поздней бронзы сделал вывод о том, что распространять термин «карасукская культура», применяемый в отношении енисейских племен, на другие группы племен карасукского времени не целесообразно. Исследователь считал, что правильнее отнести их к карасукской эпохе [Грязнов, 1956, с. 26]. Всего он выделил на территории Южной Сибири и Казахстана шесть вариантов культуры карасукского типа (минусинский, томский, новосибирский, верхнеобский, восточно-казахстанский, центрально-казахстанский), указав, что в будущем возможно выделение еще кулундинского и барабинского вариантов. При этом М.П. Грязнов отождествлял указанные варианты с отдельными этническими (племенными) образованиями, в качестве которых могли выступать племенной союз, группа родственных племен или одно большое племя [Там же, с. 40–41].

Впоследствии Ю.Ф. Кирюшин, оценивая вклад М.П. Грязнова в изучение памятников эпохи поздней бронзы, отмечал обоснованность термина «локальный вариант карасукской общности», введенного в научный оборот этим исследователем: это подтвердили новые открытия, которые позволили определить ареалы различных по культурному содержанию памятников на территории Верхнего Приобья и степного Алтая [Кирюшин, 1992, с. 9]. Таким образом, М.П. Грязнов, употребляя термины «карасукская эпоха» и «культуры карасукского типа», фактически выделил карасукскую общность, включив в нее территориальные группы известных на тот момент памятников эпохи поздней бронзы на правах отдельных вариантов.

Концепцию М.П. Грязнова в тот период фактически поддержали многие специалисты. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. С.В. Киселев в обобщающей работе, посвященной древней истории Южной Сибири, выделил три больших периода в истории Сибири (древность, гунно-сарматское время, сложение государств). Памятники эпохи поздней бронзы Южной Сибири он отнес к карасукской эпохе. Происхождение памятников эпохи поздней бронзы Верхнеобского региона С.В. Киселев связал с результатом взаимодействия местного для данной территории андроновского и пришлого карасукского населения Хакасско-Минусинской котловины [1951, с. 156]. В 1960-е гг. А.И. Мартынов, подводя итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья, отнес последние к выделенному им инскому варианту карасукской культуры [1964, с. 31–33]. А.П. Уманский в статье, написанной по материалам грунтового могильника Плотинная 1, отождествил их с верхнеобским вариантом карасукской культуры [1972].

Т.Н. Троицкая в работе, обобщающей материалы эпохи поздней бронзы в Новосибирском Приобье, отнесла их к новосибирскому варианту карасукской культуры, при этом проведя сравнительный анализ памятников новосибирского варианта с памятниками сопредельных локальных вариантов карасукской эпохи. Т.Н. Троицкая поддержала идею М.П. Грязнова об отнесении памятников эпохи поздней бронзы к карасукской эпохе, при этом высказав мысль, что понятия «карасукская эпоха» и «карасукская культура» равнозначны. Сам термин «карасукская культура», по мнению Т.Н. Троицкой, должен восприниматься как некая общность, внутри которой

могли объединяться группы населения, имеющие различия в этнической принадлежности, хозяйстве и материальной культуре [1974, с. 32, 43–45].

Таким образом, исследователи, рассматривая памятники эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири в рамках карасукской культуры или эпохи, фактически признавали определенную роль собственно карасукского населения Хакасско-Минусинской котловины в культурогенезе населения Западно-сибирской лесостепи. При этом сама Хакасско-Минусинская котловина зачастую рассматривалась как некий культурный центр (ядро) карасукского мира, повлиявший на процесс сложения периферийных вариантов.

В середине 1950-х гг. памятники эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири были объединены Н.Л. Членовой в выделенную ею ирменскую культуру [1955, с. 55]. В связи с этим необходимо было решить ряд вопросов: обосновать выделение самостоятельной культуры, выяснить механизмы ее формирования, суб- и суперстратные этнокультурные компоненты, определить территорию распространения и границы, центр сложения культуры и периферийные варианты.

В 1960-е гг. выделение самостоятельной ирменской культуры поддержали М.Ф. Косарев [1963, с. 169–175] и В.А. Посредников [1969, с. 171]. После прошедшей в начале 1970-х гг. дискуссии многие отказались от мнения о карасукской принадлежности памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири. Термин «ирменская культура» был принят Т.Н. Троицкой, А.П. Уманским и М.А. Деминим [Троицкая, 1974; Уманский, Демин, 1974], а затем и другими исследователями.

Вместе с тем по отношению к исследуемому периоду на территории Западно-сибирской лесостепи исследователями, занимавшимися изучением культур и культурных общностей эпохи бронзы Западной Сибири, применялись и дефиниции обобщающего характера. Так, М.Ф. Косарев для эпохи поздней бронзы Зауралья и Западной Сибири выделил в лесостепной полосе и на юге таежной зоны межовско-ирменский историко-хронологический пласт, включающий две основные культуры: межовскую (замараевскую) в Зауралье и ирменскую в Обь-Иртышье [Эпоха бронзы..., 1987, с. 289, 314].

Термин «карасукская эпоха» употреблялся и Н.Л. Членовой [1974, с. 118]. По ее мнению, ирменская культура являлась одной из ряда родственных культур в пределах выделенной ею широкой карасукской общности [Членова, 1972б, с. 131–135]. Позднее Н.Л. Членова отнесла памятники ирменской, черкаскульской, молчановской культур, наряду с материалами сузгунского, абатского, симанского типов, к так называемой северной разновидности культур карасукского типа, отличавшихся от классической сильной «андроновской примесью» [Членова, 1981а, с. 18]. В монографии, посвященной оленным камням, Н.Л. Членова назвала выделенную общность карасукско-киммерийской. Эта общность существовала в степной и лесостепной полосе Евразии вплоть до возникновения скифо-сибирского мира [Членова, 1984, с. 67–68].

Саму ирменскую культуру Н.Л. Членова рассматривала как обширное образование, распространившееся на территории от Красноярской лесостепи до Иртыша и проникавшее в Приуралье и Поволжье. Считая ирменскую культуру достаточно однородной, исследователь, тем не менее, признавала и выделение локальных вариантов на ее периферии [Членова, 1981а, б]. Памятники эпохи поздней бронзы на территории Барнаульско-Бийского Приобья Н.Л. Членова первоначально выделила в алтайский вариант ирменской культуры [1972а], а затем разделила его на северо-алтайский и предгорно-алтайский [1973, с. 209].

Впоследствии А.Б. Шамшин выступил против выделения Н.Л. Членовой северо-алтайского и предгорно-алтайского вариантов ирменской культуры. Он считает, что для данной территории правомерно выделение единого алтайского варианта ирменской культуры, занимавшего территорию от предгорий Алтая до района г. Камня, так как все ирменские памятники здесь достаточно однородны [Шамшин, 1988, с. 111–115].

Другой крупный исследователь эпохи бронзы В.И. Матющенко в монографическом исследовании для территории Верхнего Приобья выделил единую еловско-ирменскую культуру, разделив ее на девять локальных вариантов или районов (бийский, барнаульский, ирменско-ордынский, красноярский, инской, еловско-могильницкий, нижнетомский, чулымско-молчановский, чаинско-парабельский). Единственным критерием для их выделения послужили особенности форм и орнамента керамики [Матющенко, 1974, с. 4, 5, 87–89]. Это, вероятно, объяснялось, во-первых, неравномерной и недостаточной изученностью на тот момент памятников эпохи поздней бронзы; во-вторых, тем, что керамическая посуда являлась единственным массовым материалом, пригодным для статистического анализа.

К вопросу об ирменской культурно-исторической общности

В.И. Молодин не согласился с точкой зрения М.П. Грязнова и его последователей о карасукской принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Западно-сибирской лесостепи, а также с мнением В.И. Матющенко о существовании единой еловско-ирменской культуры и поддержал идею о самостоятельной ирменской культуре. В качестве единых культурообразующих признаков В.И. Молодин выделил наличие специфической керамики, своеобразного погребального обряда и бронзового инвентаря [1985, с. 136–143]. Вместе с тем исследователь причислил ирменскую культуру к культурам карасукского облика, наряду с черкаскульской, еловской и сузгунской [Молодин, 1988, с. 54].

В качестве вариантов ирменской культуры исследователь признает памятники розановского типа в Прииртышье; томский вариант, сложившийся в результате синтеза позднееловского и ирменского населения; алтайский и инской варианты. Верхнее Приобье и Барабинскую лесостепь он считает центром распространения ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 136–143]. В статье, посвященной анализу краниологических материалов могильника Преображенка 3, В.И. Молодин и Т.А. Чикишева включили Барабинскую лесостепь наряду с Верхним и Новосибирским Приобьем в ареал инского варианта [1988, с. 125–206].

Д.Г. Савинов и В.В. Бобров, характеризуя погребальный обряд Титовского могильника, высказали мысль, что на данном этапе изучения ирменской культуры не целесообразно относить изучаемые памятники к одному или различным локальным вариантам ирменской культуры. Правильнее выявлять этнокультурные компоненты в материалах каждого памятника, не оперируя понятием локального варианта, а исследуя динамику развития его признаков. Взяв за основу выявление этнокультурных компонентов, исследователи высказали мнение о том, что если по проявлению андроновского компонента ирменские памятники достаточно однородны, то по наличию и форме карасукского компонента их можно разделить на две территории. В первую входят Верхняя Обь, южная часть Новосибирского Приобья с прилегающим к ним бассейном р. Иня, находившиеся под более активным влиянием карасукской культуры. Ко второй исследователи отнесли Томское и северную часть Новосибирского Приобья, где карасукское влияние было слабее [Савинов, Бобров, 1978, с. 61]. В последующей публикации материалов Титовского могильника Д.Г. Савинов и В.В. Бобров отнесли материалы данного памятника к инскому варианту ирменской культуры, подробно обосновав воздействие на его формирование карасукского компонента [Савинов, Бобров, 1981, с. 130–135]. Позднее В.В. Бобров на основе значительно увеличившегося источникового фонда выделил две территориальные группы ирменских памятников: западную (Среднее Прииртышье и Барабинская лесостепь) и восточную (Верхнее Приобье и Кузнецкая котловина), обосновав их различия [1991, с. 60–72; 1992, с. 17–30]. Благодаря исследованиям специалистов была установлена неоднородность химического состава ирменского металла различных регионов распространения ирменской культуры, что послужило дополнительным аргументом существования двух различных территориальных групп ирменского населения [Бобров, 1997, с. 72–75; Бобров, Кузьминых, 1997, с. 9–12].

Е.А. Сидоров и А.В. Матвеев на основании изучения преимущественно поселений эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья предположили достаточно длительное существование ирменской культуры на данной территории [Сидоров, 1983; Матвеев, 1985, с. 14–19; 1988]. А.В. Матвеев локализовал ранние ирменские (быстровские) памятники в южной части Новосибирского и Барнаульского Приобья. По его мнению, распространение ирменской культуры на сопредельные территории произошло на ирменском этапе [Матвеев, 1985, с. 14–19; 1988].

Концепция А.В. Матвеева была поддержана многими специалистами. Так, В.А. Зах, исследовавший памятники эпохи бронзы Присалаирья, высказал точку зрения, что раннее ирменское (быстровское) население формируется не только в Приобье, но и в Присалаирье [1997, с. 57–66]. Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин также согласились с выводами А.В. Матвеева о том, что формирование ирменской культуры шло на территории Новосибирского Приобья, где имеются памятники раннего быстровского этапа. По мнению исследователей, проникновение ирменцев на юг, в том числе в Барнаульское Приобье, занятое населением выделенной ими корчажкинской культуры, происходило на ирменском этапе ирменской культуры [Кирюшин, Шамшин, 1987; Шамшин, 1988]. В.А. Могильников, напротив, полагал, что Барнаульское Приобье было одним из центров формирования ирменской культуры [1988, с. 151–154].

А.Я. Труфанов предположил миграцию ирменского населения на территорию лесостепного Прииртышья «...в период существования на Верхней Оби ирменской культуры на ее ирменском этапе (по А.В. Матвееву)». Не имеющая здесь местных корней ирменская культура, по мнению

исследователя, смешивается с сузгунской, трансформируясь постепенно в саргатскую культуру раннего железного века [Труфанов, 1990, с. 11–13]. В другой работе он высказал точку зрения о том, что ирменское население являлось пришлым не только в лесостепном Прииртышье, но также в Томском Приобье и, возможно, Барабе [Труфанов, 1988, с. 116].

Впоследствии А.В. Полеводов, в соответствии с концепцией М.Ф. Косарева, отнес ирменскую культуру к межовско-ирменскому историко-культурному пласту (горизонту). Исследователь поддержал точку зрения А.Я. Труфанова о том, что специфику среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры составляет сильная андронидная (сузгунская) примесь [Полеводов, 2003, с. 19–20].

И. Шнеевайс в обобщающей монографии, делая обзор наиболее важных культур эпохи поздней бронзы, указал на необоснованность выделения целого ряда культур и культурных групп, которые имеют больше сходных признаков, чем различий. Это, по его мнению, позволяет объединять их в культурные общности, распространенные в обширных географических пределах. Эти культурные общности исследователь соотнес с лесостепной зоной, обосновав это тем, что сходство и контакты имеют место прежде всего в восточном и западном направлениях, в то время как культурные расхождения обнаруживаются по естественно-природным границам леса и степи. Так, для эпохи поздней бронзы лесостепной зоны, по его мнению, можно говорить о межовско-ирменской культурной общности [Schneeweiß, 2007, с. 271–272].

В настоящее время изучение археологических памятников различных эпох проводится исследователями в рамках мультидисциплинарного подхода. Большое значение имеют выводы палеоантропологов, изучающих краниологические материалы эпохи поздней бронзы. В.А. Дремов в монографическом исследовании, подводившем итоги многолетнего изучения палеоантропологических материалов эпохи бронзы, пришел к заключению, что формирование населения Западно-сибирской лесостепи в эпоху поздней бронзы происходило в результате смешения ранее изолированных групп и нивелирования расовых различий, существовавших между ними в предшествующее время [1997, с. 162–163]. А.В. Зубова сделала наблюдение о наличии одонтологических различий между носителями различных локальных вариантов ирменской культуры (прежде всего инского и барабинского), что объясняется различным соотношением в их составе собственно андроновского и автохтонного субстратов. Внутри самих вариантов, по наблюдениям А.В. Зубовой, также можно выделять различные по происхождению группы [2008, с. 13–29].

Т.А. Чикишева в докторской диссертации объединила ирменское население с карасукским, андроновским и андронидным в выделенную ею антропологическую общность, связанную с генетически родственными культурами скотоводческо-земледельческих племен степной и лесостепной зоны южного региона Сибири. Т.А. Чикишева полагает, что территориально ирменская культура формировалась в предгорьях Алтайской области по правобережью Верхней Оби [2010, с. 31–32].

Таким образом, благодаря работам различных исследователей ясно, что применительно к западно-сибирской археологии эпохи поздней бронзы сегодня можно говорить о существовании отдельной ирменской культурно-исторической общности, занимавшей огромную территорию. В рамках данной общности исследователями уже фактически выделены два крупных региона: восточный (Верхнее Приобье и Кузнецкая котловина) и западный (Барабинская лесостепь и Омское Прииртышье), обладающих специфическими особенностями. Думается, что границы этих регионов должны быть расширены за счет включения ирменских памятников Верхнего Притомья и Ачинско-Мариинской лесостепи (на востоке) и частично Кулундинской лесостепи (на западе). Эти регионы в перспективе можно рассматривать в связи с самостоятельными культурными образованиями в рамках единой общности, подразделяющимися, в свою очередь, на культурные варианты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 60-72.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Новосибирск, 1992. 41 с.

К вопросу об ирменской культурно-исторической общности

Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1997. С. 72–75.

Бобров В.В., Кузьминых С.В. Химический состав металла в аспекте локальной специфики развития ирменской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1997. С. 9–12.

Виноградов Н.Б. Культурно-исторические процессы в степях южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типов): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 47 с.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 3–12.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 160 с.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: ТГУ, 1997. 264 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Зубова А.В. Антропологический состав населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 32 с.

Кирюшин Ю.Ф. Вклад М.П. Грязнова в изучение древней истории Алтая // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1992. Ч. 1. С. 6–9.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АлтГУ, 1987. С. 137–158.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 643 с.

Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963. С. 169–175.

Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // СА. 1964. № 2. С. 122–133.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе: Илим, 1990. 96 с.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 21 с.

Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Западно-Сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1988. С. 98–101.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большебереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФиф: АлтГУ, 1988. С. 151–154.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Корреляция культур эпохи бронзы Западной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФиф: АлтГУ, 1988. С. 51–54.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 125–201.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. 22 с.

Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 171.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 47–62.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 122–135.

Сидоров Е.А. Стратиграфия поселения Милованово-3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ: МП РСФСР, 1983. С. 10–20.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы о этнографии. Т. 3, вып. 2. Л., 1927. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края // МЭ. Т. 4. Л., 1929. Вып. 2. С. 41–61.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 32–46.

Труфанов А.Я. О судьбах ирменской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФиф: АлтГУ, 1988. С. 115–117.

С.А. Ковалевский

- Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 15 с.
- Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. Вып. 4. С. 22–26.
- Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопр. истории СССР. Барнаул: БГПИ, 1974. С. 3–14.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита — раннего железного века: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2010. 50 с.
- Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. 1955. № 23. С. 38–57.
- Членова Н.Л. Итоги и проблемы изучения карасукской эпохи в Алтайском крае // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972а. С. 26–29.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972б. 248 с.
- Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 207–209.
- Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15: Материалы по археологии Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1974. С. 112–119.
- Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981а. Вып. 3. С. 17–21.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981б. С. 4–42.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 98 с.
- Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФФ: АлтГУ, 1988. С. 111–115.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 471 с.
- Schneeweiß J. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe. I. Untersuchungen zur spätbronze — bis frühelisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung // Archäologie in Eurasien 22. Mainz, 2007.

Кузбасский государственный технический университет
koval71@mail.ru

The article is devoted to a studying history of investigators' views on cultural attribution of Late Bronze sites in the south of West Siberia. Subject to analysis being experts' opinions, considering the studied sites within separate cultures, epochs, cultural-and-chronological layers, cultural-and-historical communities. The article cites scholars' conclusions on the forming centre and peripheral variants of that cultural formation. The article resulted in the author's conclusion that now it is advisable to consider Late Bronze sites in the south of West Siberia within Irmen cultural-and-historical community.

Late Bronze Age, Irmen cultural-and-historical community, the Irmen culture, the Karasuk culture, the Karasuk epoch.